

Как хорошо знают историки науки, реальная динамика разных дисциплин, в отличие от идеализированной схемы Поппера, включает в себя не только рост научного знания, но и забывание добытого ранее, с "пробуксовыванием" теории. И для возобновления роста важно сие осознать и "вернуться" к забытому, восстановив его на повышенном основании. Эту тенденцию социолог Вебер и несколько позже биолог Любищев удачно назвали рутинизацией: забвение важных теоретических конструкций упрощает оставшиеся и примитивизирует ответы, даваемые дисциплиной на проблемы, встающие перед исследователями, делает их хуже, в смысле менее состоятельными. Осознание этого рождает концептуальный кризис, вроде случившегося в этологии: в лучшем случае дисциплина выходит из него через следующую научную революцию. Это же верно не только для научных сообществ, поддерживающих развитие каждой такой дисциплины, но и для идейных движений, политических сил, группирующихся вокруг определённых идеологий, тем более что сегодняшние условия общественной борьбы ведут к их "онаучиванию", в смысле использования научного знания для обоснования отстаиваемых образов желанного будущего, и принятых в научной среде стандартов доказательности суждений в агитации, пропаганде и социальной трансляции соответствующих идей. В особом положении здесь марксизм, из которого исходят коммунисты, социалисты, иногда и другие левые. Он с самого начала строился как наука, исключал апелляции к любым вненаучным (т.е. предрассудочным) аргументам, играющим на эмоциях публики, будь то этика, традиция, нация, не говоря о религиозной вере.

Во время и после "молодежной революции" 1968-1973 гг. подобное, увы, случилось с коммунистическим и, шире, увы, коммунистические идеи рутинизировались у "старых" левых и ещё больше проституировались "новыми" (неавторитарными, демократическими и пр.).

Минутка политологии

Во времена Аристотеля государство как правило не брало на себя заботу о массах, их взращивание, в процессе которого люди меняются (воспитываются, образуются, рас- и перепропагандируются) так, что делаются ещё более лояльными существующему "закону и порядку". При Аристотеле это был почти исключительно аппарат насилия в интересах господствующего класса, в докапиталистических формациях - сословия или группы, поэтому аристотелева классификация правильных и неправильных форм основана на форме правления (правит монарх, имеющий божественную санкцию, олигархия, реализуя власть богатства, тиран - власть силы, или демос - власть большинства) и его целях (верные - общее благо, неверные - текущие прихоти и хотелки).

Сегодня всё совершенно иначе. Независимо от формы правления *vox populi* единственный источник власти, или как минимум средство её укрепления, даже

монархии конституционны, а автократии и диктатуры плебисцитарны. С момента, как после ПМВ (в Европе с подъемом 2го интернационала) на арену истории вышли народные массы, их мнение в конечном счёте критически важно, политики, чиновники и общественные деятели равным образом конкурируют за их симпатии, стараются им угодить в обмен на поддержку установленного порядка, общественного устройства и пр.

Отсюда сегодня классификация политических систем, подобная аристотелевой, определяется тем, какие альтернативные политсилы конкурируют за симпатии масс, и каким способом. Силы подразделяются на левых и правых, первые сторонники общественного прогресса - последовательного движения к социальному равенству и братству, до социализма и коммунизма включительно, вторые защитники старого порядка, имеющего место быть здесь и сейчас, от "Красной опасности", ради свободы, собственности и свободы предпринимательства (в этом плане сегодня либералы и консерваторы неразличимы).

Способы делятся на реальные общественные изменения в пользу прогресса либо их эффективное пресечение ради спасения "старого порядка" от этой опасности, они дают 2 правильные формы правления, где политика ориентирована на долговременный выигрыш т. е. общее благо как его понимают данные политсилы. Интересней с неправильными, возникающими при проституировании (если сознательно, ради понятной выгоды здесь и сейчас) или подмене (если сглупа, из иррациональных симпатий) реальных действий словами, символами и прочим уходом пара в свисток. Здесь прежде всего выделяются левобляди и правошлюхи. В старые времена слово «блядь» не было матерным и обозначало попросту женщину, практикующую множественные половые связи с разными мужчинами. В этом отношении левые похожи на блядей, а правые — на шлюх. «Засидевшиеся в девках» левачки готовы отдаться первому встречному, который покажется им «прогрессивным» или которого отнесли к "прогрессивным" «свободные СМИ», обобщенные BBC, CNN с NYT (конечно принадлежащих, монополистическому капиталу, ведущих свою пропаганду именно и только в его интересах): хоть «национально-освободительным движениям» всех сортов, хоть условным ЛБГТ. Отдаться, ИЧСХ, безрезультатно, потому что «замуж» всё равно не возьмут. Наибольшее блядство, конечно, имеющая большую и грязную историю поддержка тибетских сепаратистов (сейчас и уйгурских исламистов) против «тоталитарной КНР», борьбы «палестинских» последышей Гитлера, сейчас исламистов против «израильской оккупации» или фашистского режима в Киеве против «российской агрессии», в диапазоне от нетвойнизма до замайданчества.

Позор состоит в том, что во всех этих случаях левые (не говоря уж о красных, в норме от них отличающихся в лучшую сторону — но не здесь) проституируют собственные идеи, поддерживая вечную террористическую войну против обычной мирной жизни для трудящихся, клерикальную и/или фашистскую реакцию против более прогрессивных общественных форм. Причём проституируют за бесценок, что, как известно, вредно для души.

Правые же в этом плане умнее, поскольку они злоупотребление «передком» используют с умом. Достаточно посмотреть хотя бы на сотрудничество либералов и нациков на Украине — и те, и другие в определенной степени «поступились принципами», но с выгодой для себя. Что делает их ближе уже не к блядам, а к шлюхам. Бывает и наоборот, но существенно реже.

Сугубый успех такого сотрудничества позволяет понять, почему либерализм и фашизм сегодня существуют не просто так, а с приставкой "нео-" (а вот неокommунизм отсутствует, эту идею сдали и проституировали). См. давнишнее [обсуждение](#) в запрещённой потом соцсети реплики либералки, сторонницы Беломайдана, что коричневые ей ближе чем красные.

У современных либералов так и должно быть с близостью и симпатией к нацикам: они уже лет 40-50 из прогрессистов стали реакционерами, защитниками системы, которая явно своё отжила, людям - и в первую очередь молодым - это всё очевидней и капитализм держится только промывкой мозгов и страшилками про "жертв тоталитаризма". В отсутствие эффективной контрпропаганды (нет способных на неё коммунистов) и корректировке в нужный момент массовыми избиениями вроде испанско-французских это работает. В этом их противоположность либералам первой половины XX в., которые были борцы с остатками "старого порядка" и поэтому отчасти революционеры, особенно в Южной Европе, Латинской Америке и пр. Это как якобинцы 1793 и 1848 г. в Бель Франс: нынешние либералы такая же правая реакция, как консерваторы и правее, ибо защищают тот же социальный идеал только другими словами (даже в Латинской Америке и пр. странах периферии).

Неслучайно похожее "движение навстречу" произошло и среди ультраправых, фашистов. В отличие от "классического" фашизма неонацисты неолиберальной эпохи (оба "нео-" здесь совсем неслучайны) выступают не против буржуазной демократии и либерализма как порождений "еврейских плутократов", а за, лишь бы на выборах конкурировали [50 оттенков коричневого, в том числе бледно-жёлтые, либеральные](#). Они прагматично сотрудничают с рыночными фундаменталистами [в проведении антисоциальных реформ](#), а те закрывают глаза на формально незаконное подавление нациками всех, кто этим реформам сопротивляется, начиная понятное дело с красных, при исчезновении для коммунистов с "совками" всего спектра свобод, [от права на жизнь до свободы слова](#), декоммунизация именно про подобное превращение их в нелица. Нацисты, в свою очередь, отказываются от фюрерства, корпоративизма, "органического государства", расизма (акромя социального), антисемитизма и пр. "родовых пятен" в той мере в какой основанные на этом практики могут задеть буржуазную публику, хотя всю скормливают это простолюдинам.

Чем стимулируют их ещё шибче крутиться, зарабатывать деньги, давить собратьев в конкурентной борьбе, чтобы войти в чистую публику - в дополнение к собственно эффекту реформ. И эта прагматика, как показывает ситуация самых разных стран, от Гондураса-Боливии до Украины-Белоруссии, стала вполне нормативна и для развитых демократий, возмущающиеся этим с либеральных позиций, от Greyzone и The Nation в

США до Владимира Черемиса на Украине единичны и маргинальны. Поэтому сходство социальной позиции либералов и неонацистов ведёт к прагматическому союзу и единству целей, различается только риторика сообразно различиям аудитории. Что мы и видели ярче всего после победы фашистского переворота на Украине в 2014 г., и у симпатиков этого режима в Европе/Америке. В том числе у "демократических левых" вроде Павла Кудюкина или ТГ-канала "Бессмертный пол", в свою очередь только риторикой отличающихся от либералов: левобляди обессиливают угрозу капиталистической системе пером, правошлюхи топором, т. е. делают общее дело, даже когда (или если) враждуют друг с другом.